

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ, А.В. ХОДЫКИН

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЯНАМИ КОНФЛИКТА С УКРАИНОЙ: ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ «СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ»

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета (zvb@socio-fond.com); ХОДЫКИН Александр Владимирович – кандидат социологических наук, социолог Фонда социальных исследований (a.khodykin@socio-fond.com). Оба – Самара, Россия.

Аннотация. Отношение россиян к конфликту с Украиной и сама возможность количественного измерения этого отношения стали предметом острых дискуссий в российском социологическом сообществе. Наиболее популярным аргументом у специалистов, полагающих, что уровень поддержки россиянами военных действий может быть ниже его фиксируемых значений, стала модель «спирали молчания», которой Э. Ноэль-Нойман объясняла неготовность людей высказывать непопулярные мнения из-за опасений столкнуться с социальным неодобрением. Для проверки этой гипотезы авторы методом всероссийского телефонного опроса ($N = 1977$) повторили проводившийся Ноэль-Нойман «железнодорожный тест» для измерения готовности сторонников/противников специальной военной операции (СВО) обсуждать их с оппонентами. Результаты исследования показали, что в российском общественном мнении о российско-украинском конфликте действительно существует спираль молчания по Э. Ноэль-Нойман. Она действует на обе стороны дискуссии, но её влияние на противников СВО значительно сильнее: они реже готовы обсуждать с оппонентами тему российско-украинского конфликта (21 против 35% у сторонников). Однако противники военных действий лучше своих оппонентов научились противостоять спирали молчания. Поэтому при возможном изменении климата мнений в России противники военного конфликта будут иметь большие по сравнению с оппонентами возможности продвижения собственного нарратива о российско-украинском конфликте. Авторы дополнили «железнодорожный тест» исследованием оценок конфликта в ближайшем окружении респондентов, в котором доля сторонников военных действий на протяжении всего их периода оказывается значительно ниже, чем среди самих респондентов. Это может быть косвенным признаком смещения выборки в сторону позиции сторонников СВО.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт • спираль молчания • железнодорожный тест • демоскопия • специальная военная операция (СВО)

DOI:

Проблема выявления мнений россиян о конфликте с Украиной. Задача военной социологии – изучать «не только военную структуру внутри обществ и государств, но и войну как состояние всего социума – как не-мирную, парадоксальную, патологическую социальную реальность, которую нужно детально описывать, анализировать и объяснять» [Крокинская, 2022: 4]. В этой связи важно обратить внимание на восприятие

российским общественным мнением военного конфликта с Украиной, которое измеряется исследовательскими компаниями на всём его протяжении. Результаты этих измерений и сама возможность их проведения в условиях конфликта вызывают острые дискуссии в профессиональном сообществе российских социологов. Достоверность высокого (более 70%) уровня поддержки специальной военной операции (СВО), выявляемого в массовых опросах россиян, вызывает сомнения у ряда специалистов¹. Среди них наиболее популярен аргумент, что в условиях стигматизации антивоенной позиции многие придерживающиеся её россияне отказываются от участия в опросах, не желая обсуждать с незнакомыми людьми потенциально чреватую негативными последствиями для них тему и высказывать социально неодобряемое мнение [Morris, 2023]. Некоторыми авторами ещё до начала СВО подвергнута сомнению возможность проведения массовых опросов в условиях, когда противники действий власти подвергаются преследованиям [Юдин, 2020]. Высокая чувствительность темы характерна как для их сторонников, так и для противников СВО, что подтверждается результатами качественных исследований². Попытки повышения достоверности результатов массовых опросов на военную тематику в условиях чувствительности темы делаются двумя способами: 1) проективными формулировками³ или формулировками с возможностью отказа от ответа в тексте вопроса⁴ и 2) списочными экспериментами⁵. Оба этих способа имеют свои достоинства и недостатки⁶, но ни один из них полностью не решает проблему опасений респондентов отвечать на вопросы о СВО. Кроме того, выбор нами прямого вопроса для оценки уровня поддержки военных действий продиктован его большей совместимостью с тестом Ноэль-Нойман для проверки ее гипотезы о спирали молчания.

Давно подмечено, что люди, оказавшись в меньшинстве, сдерживают желание высказать непопулярную точку зрения, испытывая опасения оказаться в изоляции. А. де Токвиль, описывая события Великой французской революции, обращал внимание, что складывавшаяся картина выраженных мнений оказывалась смещенной и вводила в заблуждение: «Люди, придерживавшиеся прежней веры, боялись оказаться в меньшинстве преданных своей религии. А поскольку изоляция страшила их более, чем ошибки, они присоединялись к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана» [Tocqueville, 1857: 182].

Наиболее известную объяснительную модель неготовности людей к высказыванию непопулярного мнения предложила Э. Ноэль-Нойман, предполагая, что люди с ограниченной заинтересованностью в политике, прежде чем высказать своё мнение по политически значимому вопросу, оценивают риск столкнуться с социальным неодобрением

¹ См., например, выступления Г.Б. Юдина (<https://www.youtube.com/watch?v=7unNkLovyPg>) и В.С. Вахштайна. URL: <https://www.svoboda.org/a/perevospitanie-pokoleniya-z/32312049.html> (дата обращения: 19.07.2023).

² См. их обзор: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Континуум оценок «спецоперации» в российском общественном мнении: обзор результатов качественных исследований // Аналитический обзор. 2023. URL: <https://t.me/TheBellV/139> (дата обращения: 19.07.2023).

³ Russian Field задавали вопрос в гипотетической форме возврата к прошедшим событиям: «Если бы вы у вас была возможность вернуться в прошлое и отменить решение о начале военной операции, вы бы это сделали или не сделали?» URL: <https://russianfield.com> (дата обращения: 07.09.2023).

⁴ Проект «Хроники» использует формулировку: «Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?» URL: <https://www.chronicles.report> (дата обращения: 07.09.2023).

⁵ См.: Chapkovski Ph., Schaub M. Do Russians tell the truth when they say they support the war in Ukraine? Evidence from a list experiment. 2022. URL: <https://inlnk.ru/YAnKLa> (дата обращения: 25.05.2023); Доверие опросам о «спецоперации». Левада-Центр* (*включен в регистр иноагентов РФ). URL: <https://clck.ru/34VejC> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶ О достоинствах и недостатках методов повышения достоверности результатов опросов на чувствительную тематику см. [Мягков, 2023].

окружающих, и в случае, если этот риск высок, воздерживаются от артикуляции кажущегося им непопулярным мнения [Ноэль-Нойман, 1996]. Причем она акцентировала внимание на динамике процесса: опасаящиеся остаться в изоляции люди воздерживаются от высказывания непопулярного мнения, соответственно окружающие все реже слышат такое мнение, у них все чаще создается впечатление, что оно не популярно, и они еще реже оказываются готовыми его высказывать. Э. Ноэль-Нойман назвала этот процесс «спиралью молчания», подчеркивая динамический характер этого феномена.

При публичном обсуждении политических позиций, особенно таких, где предполагается поляризация мнений и высокий риск конфликтов, а промежуточные варианты исключены, вероятно наличие больших групп населения, не имеющих собственного мнения, которые, скорее всего, будут высказываться или уклоняться от высказываний, оглядываясь на мнения окружающих по данному вопросу. Слабая представленность позиции меньшинства и активное продвижение позиции большинства заметно смещает точку зрения тех, для кого данная тема внезапно актуализировалась. В первые дни начала СВО в феврале 2022 г. соотношение поддерживающих и не поддерживающих было 58 против 23% при 19% неопределившихся, но через пару недель соотношение стало 79 против 14% при 7% затруднившихся с оценкой⁷. Возможны разные объяснительные модели такому изменению общественного мнения, но не стоит упускать из виду предположение о том, что если человек чувствует, что окружающие не разделяют его мнения и могут осудить его, он с большей вероятностью не будет его высказывать, избегая участия в опросах. Здесь важно понять, кто такие эти «окружающие». Ноэль-Нойман прямо не акцентирует на этом внимания, но, исходя из ее экспериментов и опросников, направленных на исследование публичного поведения, можно утверждать, что окружающие – люди, вступающие во взаимодействия с респондентом или потенциально способные на это. Это не обязательно социальное окружение, в которое входят друзья, родственники, коллеги и т.п., но и не все общество в целом: соотечественник, живущий в другом городе, не знакомый респонденту и не имеющий возможности контактировать с ним, окружающим для него не станет, а попутчик в транспорте – станет, даже если коммуникации с ним у респондента нет, но она потенциально может возникнуть.

Метод исследования. Для исследования публичного поведения людей как показателя оценки ими популярности их позиции Э. Ноэль-Нойман предложила «железнодорожный тест», измеряющий готовность приверженцев той или иной позиции по социально значимому вопросу открыто высказывать её – обсуждать со случайным попутчиком противоположных взглядов при поездке в поезде⁸. Исследования показали, что сторонники более популярной, с их точки зрения, позиции чаще готовы высказывать её, чувствуя, что находятся в более сильном лагере и меньше рискуют подвергнуться осуждению окружающих. Таким образом, спираль молчания заставляет носителей непопулярного мнения реже высказывать его, в результате они реже попадают в поле зрения единомышленников и ещё сильнее убеждаются в непопулярности своей позиции и ещё реже делятся

⁷ Первый опрос был проведён группой российских социологов «Extreme Scan». (<https://www.extremescan.eu/ru/post/исследование-отношения-жителей-россии-к-специальной-военной-операции-рф-в-украине>) с 28 февраля по 1 марта 2022 г. (N = 1640). Второй опрос проводился Фондом социальных исследований 14–17 марта 2022 г. (N = 1600). В обоих исследованиях использовался телефонный опрос (CATI), выборка репрезентировала население России по полу и возрасту.

⁸ Используемая в проведенном авторами тесте формулировка вопроса («Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает осуждать спецоперацию/говорить в поддержку спецоперации. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?») предполагает обсуждение ситуации не наедине со сторонником противоположных взглядов, а в присутствии других попутчиков. (Обращаем внимание, что в формулировке вопроса используется предлог «в» вместо нормативного (сложившегося в результате языковой традиции) в русском языке «на», что могло также оказать влияние на респондентов, т.к. это в последнее время стало политизированным. – Прим. ред.)

Таблица 1

Распределение итоговых результатов дозвона¹⁰, %

Результат дозвона	Доля результата от общего числа дозвонів
Отказы	6,0
Не подходят	0,5
Перенос	4,2
Прервано	0,1
Успешный	0,3
Автоответчик	18,0
Занято	6,8
Неверный номер	0,4
Несуществующий номер	26,3
Нет операторов	2,0
Нет ответа	9,5
Отклонён	23,4
Ошибка вызова	1,5
Ошибка обработки	1,1

ею. С другой стороны, «лагерь, обнаруживающий большую готовность открыто говорить о своих убеждениях, производит впечатление более сильного и тем самым влияет на других, побуждая последних присоединиться к более сильному или умножающему свои ряды противнику» [Нозль-Нойман, 1996: 58].

Мы применили «железнодорожный тест» Нозль-Нойман для исследования готовности сторонников и противников СВО открыто высказывать свою позицию. Тест был проведён в рамках телефонного опроса (CATI), репрезентирующего взрослое население России по полу, возрасту и федеральным округам ($N = 1977$)⁹. Распределение итоговых результатов дозвона (конечных кодов достижимости) представлено в табл. 1. Минимальный коэффициент ответов, рассчитываемый как отношение числа полных интервью к числу всех номеров, по которым система автоматического набора распознала снятие трубки, составил 2,6%.

В ходе опроса выявлялись три характеристики респондентов: 1) уровень поддержки СВО, 2) готовность обсуждать СВО с незнакомыми сторонниками противоположных взглядов (измерена с помощью «железнодорожного теста») и 3) уровень поддержки СВО социальным окружением респондентов.

Поддержка СВО российским общественным мнением. Для измерения уровня поддержки СВО респондентам задавался вопрос: «Скажите, пожалуйста, а вы сами поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России в Украине?» Соотношение

⁹ Опрос проведён 26 июня – 9 июля 2023 г. силами Фонда социальных исследований (Самара). Выборка стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,31% при уровне значимости – 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2021 г. Опрос проводился только по мобильным номерам. Весовые коэффициенты рассчитаны на основе данных Росстата на 01.01.2022. На каждый номер сделано от трех до пяти попыток контакта (за исключением получивших конечный код достижимости за меньшее число попыток) в разное время суток (с 10:00 до 22:00) с интервалом между звонками не менее 8 часов. Всего было проведено более 500 тыс. автоматических дозвонів. Полученные результаты проанализированы методом дескриптивного двумерного анализа распределений.

¹⁰ Коды результатов дозвона проставлены в соответствии с международными стандартами фиксации результатов звонков при телефонных опросах, закреплёнными в рекомендациях Американской ассоциации изучения общественного мнения (American Association for Public Opinion Research, AAPOR). Подробнее о том, какой код в каких случаях ставится, см. Standard Definitions Report. URL: <https://aapor.org/wp-content/uploads/2023/05/Standards-Definitions-10th-edition.pdf> (дата обращения: 30.09.2023).

Таблица 2

Доля противников СВО в разных группах населения, %¹¹

Группы		Противники СВО
Среди всех россиян		22
Гендерные группы	Мужчины	20
	Женщины	24
Возрастные группы	18–29 лет	38
	30–39 лет	24
	40–49 лет	23
	50–59 лет	17
	60 лет и старше	15
Группы по регионам проживания	Приграничные регионы	14
	Москва	31
	Санкт-Петербург	37
	Остальные регионы	22
Поселенческие группы	Столицы регионов	24
	Другие города	19
	Сёла	17
Образовательные группы	С высшим образованием	25
	Без высшего образования	20
Подходные группы	Низкий доход	31
	Средний доход	23
	Высокий доход	17
По местам работы	Не работают	17
	Бюджетники	18
	Работающие по найму в частных компаниях	31
	Предприниматели	27
По источникам информации о СВО	Узнающие о СВО из телевидения	10
	Узнающие о СВО из Интернета	27
По отношению социального окружения к СВО	Большинство окружения за СВО	2
	Чисто сторонников и противников СВО в окружении примерно равно	31
	Большинство окружения против СВО	87

поддерживающих и не поддерживающих оказалось 71 к 20%, ещё 7% затруднились ответить и 2% отказались отвечать. Вопросы «железнодорожного теста» не задавались затруднившимся и отказавшимся отвечать на вопрос о поддержке СВО, поэтому мы исключили эти группы из дальнейшего анализа. В пересчёте на давших определённую оценку соотношение их сторонников и противников составило 78 к 22% (табл. 2).

Как видим, чаще поддерживали СВО россияне старшего возраста (85%), мужчины (80%), жители приграничных регионов¹² (86%), сельчане (83%), люди без высшего образования (80%) и относящие себя к высокодоходным группам (83%). Соответственно реже поддерживали военные действия женщины (76%), молодёжь до 30 лет (62%), жители

¹¹ Доли во всех таблицах приведены среди давших определённую оценку военным действиям. Заливкой выделены группы, в которых доля противников СВО превышала 30%, т.е. значительно (не менее чем на 8 п.п.) превышала среднероссийский уровень.

¹² К приграничным регионам отнесены Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская области, Краснодарский край и Крым. Доля жителей приграничных регионов в выборке составила 13%.

Москвы (69%) и Санкт-Петербурга (63%), люди с высшим образованием (75%) и люди с относительно низкими по их самооценке доходами (69%).

Готовность россиян обсуждать конфликт с Украиной: «железнодорожный тест» по Ноэль-Нойман. Теперь проанализируем измеренную «железнодорожным тестом» готовность сторонников и противников СВО обсуждать её с незнакомыми людьми противоположных взглядов. Чтобы выяснить наличие и направление раскручивания спирали молчания по Ноэль-Нойман, сторонникам военных действий был задан вопрос: «Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает осуждать спецоперацию. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?» Для противников СВО вопрос звучал зеркально: «Представьте такую ситуацию. Предположим, вам предстоит проехать несколько часов в поезде, и кто-то из попутчиков в вашем купе начинает говорить в поддержку спецоперации. Станете ли вы беседовать с этим человеком о ситуации в Украине или не обратите на это внимания?». Распределения ответов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты «железнодорожного теста» среди сторонников и противников СВО, в %

Результаты теста	Сторонники СВО	Противники СВО
Станут беседовать	35	21
Не станут беседовать	55	77
Затруднились или отказались ответить	10	2

Полученные результаты подтверждают выводы качественных исследований¹³ о неготовности россиян говорить о военных действиях: и среди их сторонников, и среди противников большинство не хотят обсуждать острую военно-политическую тему с незнакомыми людьми. При этом противники военного противостояния предпочитают молчать о нём значительно чаще: в 77% случаев против 55% среди сторонников – разница в 22 п.п. Готовых же беседовать среди сторонников военных действий больше на 14 п.п. Как и предсказывала Э. Ноэль-Нойман, представители группы, считающие, что находятся в меньшинстве, реже готовы обсуждать острую политическую тему со своими оппонентами из более многочисленного лагеря. Разрыв между готовностью к диалогу сторонников и противников нельзя назвать непреодолимым, но он достаточно велик, чтобы затруднить приверженцам антивоенной позиции её распространение.

Готовность обсуждать СВО неравномерно распределена в разных социальных группах (табл. 4). Вне зависимости от отношения, мужчины чаще женщин и люди предпенсионного возраста чаще молодёжи готовы высказываться о нём. Видимо, мужчины по сравнению с женщинами более политизированы и чаще готовы спорить из-за различий в оценках военных действий. Это отчасти подтверждается нашими методическими исследованиями¹⁴, показывающими, что мужчины стабильно чаще женщин готовы участвовать в опросах на политическую тематику. И среди сторонников, и среди противников СВО готовность говорить нарастает с возрастом, достигая пика в группе 50–59-летних, а в группе пенсионного возраста падает до средних по выборке показателей. Уровень образования на готовность высказываться не влияет. В остальных группах готовность обсуждать тему СВО различна в зависимости от отношения респондентов к нему.

¹³ См. отчёт Лаборатории публичной социологии: «Смириться с неизбежностью: как россияне оправдывают военное вторжение в Украину?» // Аналитический отчет / Под ред. С. Ерыплевой, А. Каппинен. URL: <http://publicsociology.tilda.ws/report2> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁴ Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Насколько репрезентативны опросы о «спецоперации»? Анализ возможных смещений в измерениях // Аналитический обзор. URL: <https://t.me/TheBellV/121> (дата обращения: 19.07.2023).

Таблица 4

**Результаты «железнодорожного теста» по социально-демографическим группам
респондентов, в %**

Группы		Сторонники СВО		Противники СВО	
		готовы беседовать	не готовы беседовать	готовы беседовать	не готовы беседовать
Среди всех россиян		35	55	21	77
Пол	Мужчины	38	50	27	70
	Женщины	32	58	17	82
Возрастные группы	18–29 лет	22	73	17	83
	30–39 лет	27	63	19	80
	40–49 лет	35	53	22	75
	50–59 лет	45	45	34	60
	60 лет и старше	38	49	20	78
Группы по регионам проживания	Приграничные регионы	36	56	16	82
	Москва	31	55	11	85
	Санкт-Петербург	32	63	31	62
	Остальные регионы	35	54	22	76
Поселенческие группы	Столицы регионов	35	55	20	78
	Другие города	33	56	21	77
	Сёла	38	51	26	74
Образовательные группы	С высшим образованием	33	55	20	77
	Без высшего образования	36	54	22	76
Подходные группы	Низкий доход	32	59	16	83
	Средний доход	36	54	21	77
	Высокий доход	34	56	28	69
По местам работы	Не работают	37	52	16	84
	Бюджетники	32	60	22	76
	Работающие по найму в частных компаниях	33	55	23	75
	Предприниматели	33	54	28	64
По отношению со- циального окру- жения к СВО	Большинство окружения за СВО	39	50	10	86
	Чисто сторонников и противников СВО в окружении примерно равно	26	65	23	76
	Большинство окружения против СВО	9	91	21	77

Сторонники СВО из разных регионов и типов населённых пунктов примерно в равной степени готовы обсуждать ее с незнакомыми оппонентами. В то же время среди противников место проживания становится значимым дифференцирующим фактором. В приграничных регионах, где поддержка военных действий наиболее высока, оппоненты преобладающей точки зрения реже готовы их обсуждать. Видимо, на них оказывается большее социальное давление, и они сильнее попадают под действие спирали молчания. Довольно трудно объяснить различия почти в три раза в готовности высказываться между Москвой (11%) и Санкт-Петербургом (31%), при том что в обеих столицах уровень поддержки военных действий ниже среднего по стране. Противники из сельской местности чаще готовы обсуждать ситуацию с незнакомыми оппонентами, несмотря на более высокий уровень поддержки СВО в их населённых пунктах. Уровень дохода не влияет на готовность сторонников военных действий высказываться, а у их противников с ростом доходов линейно

растёт и готовность говорить с политическими оппонентами. Недовольные СВО предприниматели тоже чаще готовы обсуждать тему со своими политическими противниками.

Сильнее всего на готовность человека высказываться о СВО влияет распределение мнений о ней в его ближайшем социальном окружении¹⁵. Преобладающее влияние на политическую позицию человека мнений его ближайшего окружения выявлено ещё в американских исследованиях середины XX в., известных русскоязычному читателю, например, из крупнейшего труда Р. Мертон [Мертон, 2006]. Собранные данные показали, что те, у кого в окружении доминируют сторонники противоположных взглядов, реже готовы обсуждать СВО с незнакомыми оппонентами. С учётом распространённости межличностных столкновений из-за разных оценок военных действий¹⁶ имеющие в окружении большую долю оппонентов и потому с высокой долей вероятности конфликтовавшие с окружением на этой почве чувствуют себя в изоляции и под социальным давлением, не находя в себе сил riskовать поссориться ещё и с незнакомым человеком. Лишь 9% сторонников и 10% противников СВО, находясь в повседневном окружении своих оппонентов, готовы обсуждать эту тему (против 35 и 21% соответственно в выборке в целом) и в новой временной для себя аудитории (т.е. со случайным попутчиком противоположных взглядов во время поездки на поезде). Эти люди, несмотря ни на что изъявляющие желание говорить на острую тематику, – те самые «крепкие орешки» в терминологии Э. Ноэль-Нойман, готовые влиять на окружающих даже в самых тяжёлых условиях и отстаивать свою позицию, сколь бы непопулярной она ни была. На них спираль молчания не действует.

Если сторонники СВО теряют интерес спорить с противниками по мере увеличения опыта общения с ними (с 39 до 9%), то у противников эта тенденция выражена не столь ярко – с 21% среди находящихся в окружении единомышленников до 10% среди тех, кто находится в среде оппонентов. При этом если у противников военных действий окружение разделяется примерно поровну, вероятность обсуждения ими СВО не сокращается. Но когда окружение сторонников СВО делится пополам, они значимо реже готовы обсуждать военный конфликт с незнакомыми людьми противоположных взглядов. Противники СВО адаптировались к большей популярности позиции их оппонентов: их готовность говорить с приверженцами противоположных взглядов снижается, только когда в их социальном окружении преобладают их оппоненты. Сторонники же военного противостояния, столкнувшись даже с паритетом мнений в своём окружении, значительно теряют в готовности обсуждать его с незнакомыми оппонентами. Возможно, многие из них своей поддержкой присоединились к большинству, воспроизведя эффект «фургона с оркестром», известный многим социологам по знаменитой работе Дж. Гэллапа и С.Ф. Рэя [Гэллап, Рэй, 2017]. Столкнувшись же с отсутствием такого большинства в собственном окружении, многие из них не выражают готовности дискутировать о российско-украинском конфликте с его противниками.

Поддержка СВО социальным окружением респондентов. Исследование уровня поддержки СВО социальным окружением россиян важно по трём основным причинам. Во-первых, позиция окружения всегда сильно влияет на личную позицию респондента. Сама социальная природа человека побуждает стараться не расходиться во мнениях с большинством. Исследуя уровень поддержки СВО окружением респондентов, мы измеряем и уровень социального давления, оказываемого на россиян.

¹⁵ Респондентам задавался вопрос: «Как вы думаете, среди ваших близких знакомых, родственников, коллег большинство поддерживает или не поддерживает военную операцию России в Украине?». Таким образом, под социальным окружением здесь и далее понимаются близкие знакомые, родственники и коллеги респондента.

¹⁶ По данным нашего всероссийского телефонного опроса (CATI, N = 1600, методика полностью повторяет методику анализируемого в этой статье опроса), на конец декабря 2022 г. 43% россиян (42% сторонников и 48% противников СВО) имеют опыт конфликтов из-за разных оценок событий. Этот опыт измерен вопросом: «Вспомните, пожалуйста, случались ли у вас ссоры (споры, конфликты) из-за разных мнений о событиях на Украине?»

Во-вторых, распределение оценок военных действий в окружении респондентов показывает, насколько эффективно поддержка СВО и ее критика распространяются ее сторонниками и противниками. Если носители одной позиции чаще своих оппонентов высказывают её, то их круг общения в большей степени узнает именно об их позиции, чем о позиции предпочитающих молчать. Т.е. разница между распространённостью какой-либо позиции среди респондентов и их восприятием распространённости этой позиции в их окружении может быть следствием действия спирали молчания: если какое-то мнение люди предпочитают не высказывать, то мало в чьём окружении оно будет преобладать.

В-третьих, люди с критическими взглядами могут уклоняться от участия в опросах, опасаясь преследований за такую точку зрения. В разговорах же со своими друзьями и близкими они могут высказаться более открыто, влияя на распределение мнений в своем окружении. Тогда если мы не можем опросить этих людей напрямую, то мы можем узнать их мнение, спросив их близких и друзей о преобладании тех или иных оценок в окружении.

При значительном преобладании сторонников СВО над её противниками (71 против 20%) можно предположить, что доля респондентов, в чьём окружении преобладают сторонники военных действий, будет столь же сильно преобладать. По нашим данным, у 40% всех респондентов в окружении или сложился паритет мнений, или преобладали противники СВО. Хотя 71% поддерживают спецоперацию, преобладает такая позиция в окружении лишь чуть более половины россиян (56%). Могут быть предложены разные объяснения такой ситуации, наиболее вероятными нам кажутся три объяснительных модели: 1) либо сторонники СВО предпочитают молчать значительно чаще, чем их оппоненты; 2) либо 20% противников СВО смогли убедить, что их в разы больше, вдвое превосходящую их по объёму долю россиян; 3) либо противники СВО чаще не желают участвовать в социологических опросах, выборки оказываются смещены в сторону поддерживающих СВО.

Первое предположение опровергается данными «железнодорожного теста»: сторонники военных действий чаще готовы обсуждать их, чем их противники. Второй случай, с одной стороны, маловероятен, поскольку в российском информационном поле доминирует позиция поддержки СВО, но, с другой стороны, как показывают исследования¹⁷, имеет место двойственность восприятия россиянами государственной пропаганды: она, хотя и признаётся нужной и полезной для демонстрации твердости намерений российской стороны, но даже сторонники военных действий не считают сообщаемую ею информацию достоверной и корректируют её, насколько это им кажется обоснованным. Удовлетворительных инструментов для достоверной проверки наиболее перспективной, на наш взгляд, третьей гипотезы у нас, к сожалению, пока нет.

По данным девяти проведенных в 2022–2023 гг. Фондом социальных исследований (ФСИ) общероссийских опросов¹⁸, преобладание сторонников военных действий среди респондентов над их единомышленниками в их ближайшем окружении отмечается на протяжении всего периода военного противостояния. При этом особенно выраженным оно стало сразу после мобилизации (рис.). Потом оно немного сгладилось, но продолжает держаться на более высоком по сравнению с периодом до мобилизации уровне. Т.е. после мобилизации в окружении респондентов появилось больше противников СВО, но среди участников опросов их больше не стало. Это даёт основания

¹⁷ Февраль – 2023: Как изменилась жизнь россиян за год // Семинар Ассоциации исследовательских компаний «Группа 789». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5QACVLdDinw>

¹⁸ Опросы проводились методом телефонного интервью (CATI) по всероссийской случайной выборке номеров мобильных телефонов, стратифицированной по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,45% при уровне значимости – 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2021 г. Опросы репрезентируют взрослое население России по полу, возрасту и федеральным округам. Объём выборки во всех опросах, кроме проведённого в феврале 2022 г., составил 1600 проживающих на территории России её граждан старше 18 лет. В февральском опросе объём выборки составил 1640 респондентов.

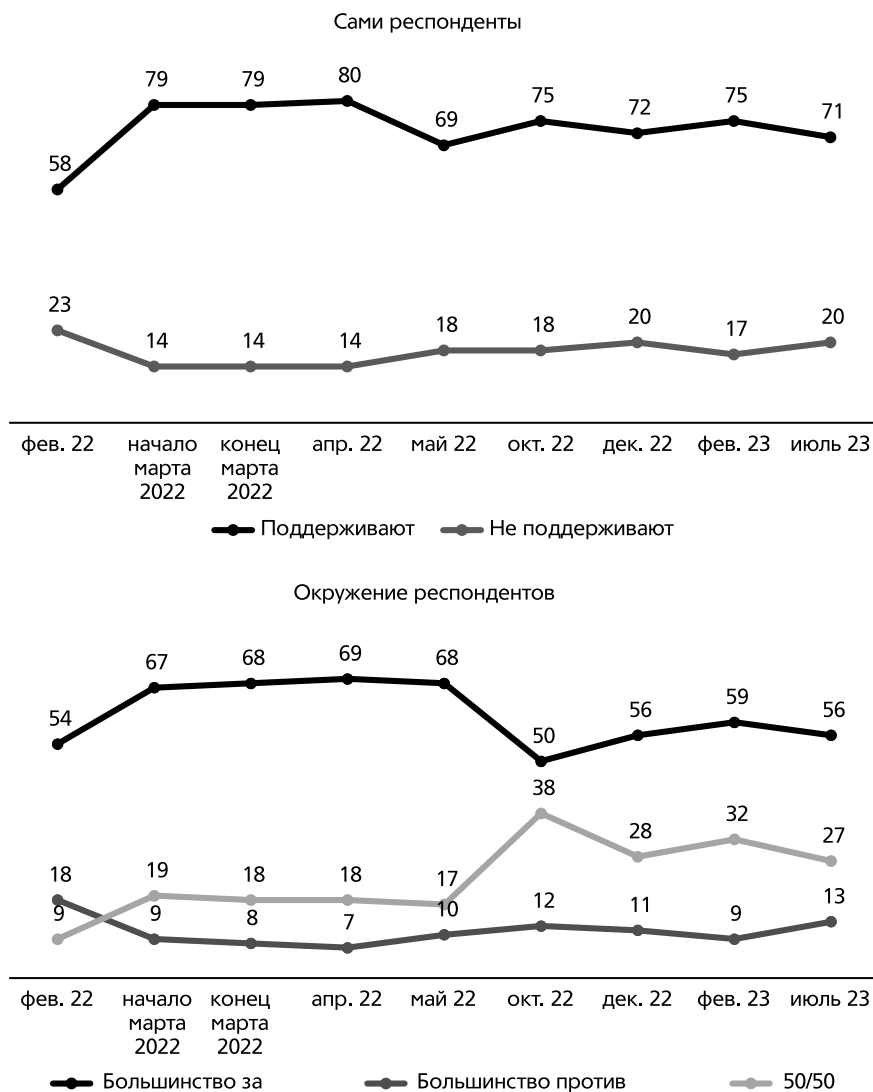

Рис. Динамика поддержки СВО респондентами и их социальным окружением, ФСИ, в %

предполагать, что всё большая группа недовольных СВО стала выпадать из поля зрения социологов-поллстеров.

Кластеризация россиян по отношению их окружения к СВО тоже имеет место: так, в некоторых наиболее «антивоенных» группах (молодёжь, жители Санкт-Петербурга, обладатели низких доходов, трудящиеся в частном секторе) люди чаще окружены противниками СВО (табл. 5). Однако представители других групп, где подобные взгляды тоже более популярны, не отличаются от всех остальных по позициям окружения. Это – москвичи, жители региональных центров, люди с высшим образованием, предприниматели и узнающие о военных действиях из Интернета. Преобладание сторонников СВО явно выражено (больше 60%) в окружении только самых «милитаристски» настроенных групп: у телезрителей (66%), жителей приграничных регионов (65%), обладателей высоких доходов (64%) и россиян старшего поколения (61%). Таким образом, дифференциация респондентов по

Таблица 5

Уровень поддержки СВО социальным окружением респондентов¹⁹, в %

Группы		Большинство за СВО	Сторонников и противников СВО примерно поровну	Большинство против СВО	Затруднились или отказались ответить
Среди всех россиян		56	27	13	5
Гендерные группы	Мужчины	60	24	12	4
	Женщины	52	29	14	5
Возрастные группы	18–29 лет	39	38	22	1
	30–39 лет	55	25	18	2
	40–49 лет	56	26	15	3
	50–59 лет	61	25	10	4
	60 лет и старше	61	23	7	8
Группы по регионам проживания	Приграничные регионы	65	22	9	5
	Москва	54	23	21	2
	Санкт-Петербург	43	33	21	3
	Остальные регионы	55	28	13	5
Поселенческие группы	Столицы регионов	55	27	13	4
	Другие города	60	24	12	5
	Сёла	55	29	10	6
Образовательные группы	С высшим образованием	56	26	14	3
	Без высшего образования	55	27	12	6
Подходные группы	Низкий доход	42	30	18	9
	Средний доход	54	29	15	2
	Высокий доход	64	22	9	4
По местам работы	Не работают	58	27	9	6
	Бюджетники	59	27	11	3
	Работают по найму в частных компаниях	49	29	19	3
	Предприниматели	56	19	19	5
По источникам информации о СВО	Узнают о СВО из телевидения	66	23	7	4
	Узнают о СВО из Интернета	56	25	16	3

Примечание. Заливкой выделены группы, в которых доля имеющих в своем окружении большинство сторонников СВО превышала 60%, т.е. значимо (не менее чем на 5 п.п.) превышала среднероссийский уровень.

позициям их ближайшего окружения не столь велика, как по их собственным декларируемым взглядам на российско-украинский конфликт.

¹⁹ Заливкой выделены группы, в которых доля имеющих в своем окружении большинство сторонников СВО превышала 60%, т.е. значимо (не менее чем на 5 п.п.) превышала среднероссийский уровень.

Заключение. Полученные данные подтвердили сделанное по результатам прошлых годов фокус-групп [Звоновский, Ходыкин, 2023] предположение о низкой готовности россиян обсуждать российско-украинский конфликт. Это косвенно свидетельствует в пользу аккламационного и аполитичного характера поддержки многими россиянами СВО, описанного В. Ищенко и О. Журавлёвым по материалам серии проведённых Лабораторией публичной социологии глубинных интервью с россиянами, не являющимися противниками СВО [Ishchenko, Zhuravlev, 2022]. По данным «железнодорожного теста», 35% сторонников и 21% противников военных действий готовы обсуждать их. Разница между этими долями свидетельствует о том, что под действие спирали молчания по Э. Ноэль-Нойман значимо чаще попадают противники СВО, сторонники же чаще готовы обсуждать свою позицию с незнакомыми оппонентами, что не удивительно ввиду большей популярности их точки зрения. Но их готовность к обсуждению резко снижается при отсутствии в их ближайшем окружении преобладания доли единомышленников. Предположим, что хотя на мнения противников спираль молчания воздействует чаще, они лучше научились ей противостоять.

Как в анализируемом нами здесь опросе, так и в предыдущих замерах доля сторонников СВО значительно выше их доли в окружении участников опроса. Разрыв между этими долями значительно увеличился после мобилизации, хотя уровень поддержки в целом не изменился.

Распределение мнений в окружении респондентов сильнее всего влияет на их готовность обсуждать российско-украинский конфликт с приверженцами противоположной точки зрения. Столкнувшись с преобладанием оппонентов в ближайшем окружении россияне намного реже готовы говорить на эту тему. Такие данные перекликаются с результатами качественных исследований²⁰, показывающих большую выраженность потребности россиян в сохранении социальных связей по сравнению с потребностью отстаивания и распространения собственных политических взглядов. Кроме того, неудачный опыт политических дискуссий убеждает многих соотечественников в их бесперспективности: когда многочисленные обсуждения заканчиваются конфликтами, не меняющими мнения собеседников, люди теряют силы и желание говорить на данную тематику с оппонентами.

В завершении важно отметить, что наше исследование сознательно ограничено методологией Э. Ноэль-Нойман и результаты интерпретированы в контексте ее объяснительной модели. Вопросы «железнодорожного теста» о готовности беседовать с оппонентами не были дополнены уточняющими вопросами к неготовым разговаривать о причинах их неготовности. Помимо опасений конфликтов и общественного осуждения причинами также могут быть нежелание разговаривать с незнакомыми, нехватка аргументов, нежелание тратить силы и т.п. Однако можно предположить, что доли носителей этих причин в среде сторонников и противников военных действий примерно сопоставимы, поскольку нет свидетельств того, что представители того или иного политического лагеря отличаются большей коммуникабельностью. Поэтому не столь важны сами по себе доли не готовых к диалогу, как их соотношение, которое показывает, что противники СВО готовы говорить о ней в полтора раза реже, чем ее сторонники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гэллуп Дж., Рэй С.Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения / Под ред. Н.П. Попова, А.В. Кулешовой. М.: ВЦИОМ, 2017.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в её условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 8–35.
- Крокинская О.К. О социологии войны // Палладиум. 2022. № 3. С. 4–13.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
- Мягков А.Ю. Нерандомизированные техники для сенситивных опросов: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 28–38.

²⁰ См. отчёт Лаборатории публичной социологии: Далекая близкая война: как россияне воспринимают военные действия в Украине? // Аналитический отчет/ Под ред. С. Ерпылевой, А. Каппинен. URL: http://publicsociology.tilda.ws/war_report (дата обращения: 07.09.2023).

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

Юдин Г.Б. Общественное мнение или власть цифр. СПб.: ЕУ в СПб., 2020.

Ishchenko V., Zhuravlev O. Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 668–676.

Morris J. Public Opinion Still Does Not Exist; War in Ukraine and Dictatorship in Russia Can Help Us Acknowledge That // Russian Analytical Digest. 2023. No. 292. P. 7–9.

Tocqueville A. de. Das Alte Staatswesen und die Revolution. Leipzig: Mendelssohn, 1857.

Статья поступила: 10.07.23. Финальная версия: 04.10.23. Принята к публикации: 18.10.23.

RUSSIANS' PERCEPTION OF THE CONFLICT WITH UKRAINE: IS THERE A "SPIRAL OF SILENCE" TAKING PLACE?

ZVONOVSKIY V.B.*, KHODYKIN A.V.**

*Samara State University of Economics, Russia; **Social Research Institute, Russia

Vladimir B. ZVONOVSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Sociology and Psychology of Samara State University of Economics (zvb@socio-fond.com); Alexander V. KHODYKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Sociologist of the Social Research Institute (a.khodykin@socio-fond.com). Both – Samara, Russia.

Abstract. Russians' attitude towards the Russian-Ukrainian conflict and the very possibility of its quantitative measurement became a subject of heated debates inside Russian sociological community. The most popular argument among professionals who believe that the level of support for the military actions is lower than the recorded values is the "Spiral of Silence" model used by E. Noelle-Neumann to explain people's unwillingness to express unpopular opinions out of fear of facing social disapproval. To test the hypothesis about the spiral of silence we used the method of all-Russian phone survey ($N = 1977$), repeating the railway test performed by Noelle-Neumann for measuring the willingness of supporters and opponents of the Russian-Ukrainian conflict to discuss it with their political opponents. The results of the research showed that in Russian public opinion about the Russian-Ukrainian conflict there is indeed a spiral of silence, as described by Noelle-Neumann, taking place. It influences both sides of the debate, its effect on the opponents of the conflict being, of course, significantly stronger (21% against 35%). However, opponents of military action have learned better than their opponents to resist the spiral of silence. Therefore, with a possible change in the climate of opinion in Russia, opponents of the military conflict will have greater opportunities than their opponents to promote their own narrative about the Russian-Ukrainian conflict. Along with the railway test, we have conducted research of attitudes towards the Russian-Ukrainian conflict in the respondents' close circle, in which the share of the conflict supporters turns out to be much lower than among the respondents themselves. This may be an indirect sign of a shift in the samples towards the position of Russian-Ukrainian conflict supporters.

Key words: Russian-Ukrainian conflict, special military operation, spiral of silence, railway test Noelle-Neumann, demoscopy.

REFERENCES

- Gallup G.H., Rae S.F. (1940) *Pulse of democracy. The public-opinion poll and how it works*. New York: Simon and Schuster.
- Ishchenko V., Zhuravlev O. (2022) Imperialist ideology or depoliticization? Why Russian citizens support the invasion of Ukraine. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 12. No. 3: 668–676.
- Krokinskaya O.K. (2022) On the sociology of war. *Palladium*. No. 3: 4–13. (In Russ.)
- Merton R.K. (1968) *Social theory and social structure*. New York: The Free Press.
- Morris J. (2023) Public opinion still does not exist; war in Ukraine and dictatorship in Russia can help us acknowledge that. *Russian Analytical Digest*. No. 292: 7–9.
- Myagkov A.Y. (2023) Non-randomized techniques for sensitive surveys: comparative analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 28–38. (In Russ.)
- Noel-Neuman E. (1996) *Public opinion. The discovery of the spiral of silence*: General ed. and preface by N.S. Mansurov. Moscow: Progress-Academiya, Ves' Mir. (In Russ.)
- Yudin G.B. (2020) *Public opinion or the power of figures*. St. Petersburg: ЕУ в СПб. (In Russ.)
- Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023) Strategies of adaptation of supporters and opponents of the special operation to life in its conditions (by the example of residents of the Samara region). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 29. No. 1: 8–35. (In Russ.)
- Tocqueville A. de. (1857) *Das Alte Staatswesen und die Revolution*. Leipzig: Mendelssohn.

Received: 10.07.23. Final version: 04.10.23. Accepted: 18.10.23.